

© ЭО, 2005 г., № 6

Ю.Е. Березкин. Рец. на: *Handbook of North American Indians. Vol. 14. Southeast* / Ed. Raymond D. Fogelson. Wash.: Smithsonian Institution, 2004. 1042 p., ill.

Работа над “Справочником по индейцам Северной Америки” была начата полвека назад, а затем прервана (Березкин 2002а). Новые статьи для тома, посвященного индейцам Юго-Востока США, написаны в 2001–2003 гг. История и культура выходцев с Юго-Востока, переселенных на территории к западу от Миссисипи, также описываются. Исчерпывающая библиография занимает более четверти объема издания, десятки карт позволяют локализовать упоминаемые объекты и события. Среди сотен иллюстраций немало фотографий столетней давности.

В разделах, посвященных прошлому индейцев Юго-Востока, основное внимание уделено периодам, представление о которых существенно изменилось за последние годы.

В региональных томах “Справочника” обзор начинается с голоцена, т.е. с середины X тыс. до н.э. (в издании все даты, основанные на радиоуглеродных определениях, переведены в календарные). На Юго-Востоке крупные плейстоценовые травоядные к этому времени давно вымерли, главным объектом охоты стал виргинский олень. Перемены в формах хозяйства были, видимо, вызваны не столько изменениями климата, сколько постепенным ростом плотности населения и совершенствованием знаний о природной среде. Если палеоиндейцы устраивали базовые лагеря, откуда отправлялись в охотничьи экспедиции, то в Ранний Архаический период люди постоянно меняли места стоянок, “прочесывая” подконтрольную территорию. Подобный вывод основан на тонком анализе археологического материала, отражая растущий познавательный потенциал археологии. Еще в самом конце плейстоцена, примерно с 9800 до н.э., в регионе появляются новые типы каменных наконечников – небольших, подтреугольных, с двумя выемками по сторонам в нижней части. Делать эти орудия было легче, нежели длинные тонкие бифасы эпохи охоты на мамонта и ископаемого бизона, и они постепенно распространились от Атлантики до Тихого океана.

В прежних работах по американской археологии разделы по культурам эпохи раннего и среднего голоцена (9500–3750 до н.э.) к востоку от Миссисипи не слишком привлекали читательское внимание: тенденции развития в этот период оставались неясными, вещевой материал был невыразителен. Авторам “Справочника” впервые удалось свести мозаику локальных традиций в целостную картину. На протяжении всей Архаики на Юго-Востоке численность населения росла, и к концу эпохи произошел переход от небольших мобильных групп (band level) к более крупным и устойчивым объединениям (tribe level). На рубеже первой и второй четвертей IV тыс. до н.э. в некоторых районах появляются массивные всхолмления, обычно содержащие раковины речных моллюсков. Широкое использование моллюсков в пищу началось на рубеже VII–VI тыс. до н.э., но “раковинные кучи” известны далеко не везде, где существовали благоприятные условия для водного собирательства.

Не всегда удается определить, образовались всхолмления постепенно из отбросов жизнедеятельности или являлись искусственными насыпями в точном смысле слова, однако размеры и правильная форма объектов в любом случае позволяют видеть здесь результат деятельности крупных коллективов. Так, всхолмление Уотсон Брейк в Луизиане, датированное 4170–3750 до н.э., представляет собой кольцо поперечником 280 м, в пределах которого выделяются одиннадцать возвышений высотой до 7 м.

Полвека назад, когда кольцевые “раковинные кучи” были известны лишь на побережье Джорджии и Флориды, их появление пытались связать с миграцией из Южной Америки, яко-

Юрий Евгеньевич Березкин – доктор исторических наук, заведующий отделом Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

бы имевшей место в III тыс. до н.э., но теперь нет сомнений, что речь идет о местной и очень древней традиции. В Позднем Архаическом периоде, т. е. со второй четверти IV тыс. до н.э., появляются следы круглогодичной оседлости (поселение Бейли в Теннесси), с конца этого тысячелетия – керамика, а в III тыс. до н.э. в регионе распространяются земляные насыпи не просто правильной формы, но и явно возведенные намеренно. В нижнемиссисипской культуре поверти-пойнт подобное строительство достигает огромных масштабов. Эпонимный памятник в Луизиане, датируемый концом III – началом II тыс. до н.э., представляет собой кольцо поперечником не менее 1 км (ныне наполовину разрушенное), состоящее из шести концентрических насыпей общим объемом более 1 млн куб. м земли. Об этом свидетельствует проведенная в 1999–2000 гг. новая топосъемка, значительно уточнившая контуры сооружений. Очевидно, что на протяжении пяти тысячелетий строительство искусственных насыпей являлось характерной особенностью культурной традиции индейцев Юго-Востока и что на рубеже III–II тыс. до н.э. по масштабам такого строительства данный регион не уступал побережью Перу.

Хотя окультуривание местных растений могло начаться еще в Среднем Архаическом периоде (V–IV тыс. до н.э.), нет сомнений, что до самого конца III тыс. до н.э. земледелие играло на Юго-Востоке ничтожную роль, да и позже, вплоть до конца I тыс. н.э., его роль оставалась второстепенной. Прогрессирующее усложнение социальной организации местных индейцев, отраженное в изменении характера поселений и в строительстве все более крупных объектов неутилитарного назначения, происходило в рамках присваивающего хозяйства. Тот же вывод следует и из анализа археологических материалов по региону Плато (*Березкин 2002b*), а еще в начале 1970-х годов к сходному заключению пришел М. Мосли по материалам побережья Перу (*Moseley 1975*).

Очевидно, что формы хозяйства и социальная структура не могут быть связаны непосредственно, ибо последняя определяется прежде всего размерами сообществ и плотностью населения, а не тем, из какого конкретного источника люди получают калории. Отсутствие земледелия и скотоводства ставит для демографического роста определенный предел, однако при обилии и круглогодичной доступности ресурсов дикой природы (рыба, водоплавающие птицы, орехоплодные, корне- и клубнеплоды) потенциал развития в эпоху господства присваивающего хозяйства мог быть значительным. Даже для переднеазиатского земледельческого очага причинная зависимость между переходом к земледелию и появлением древнейших неутилитарных сооружений, отражающих усложнение социальной структуры, не кажется сейчас столь очевидной, как до раскопок конца 1990-х годов на Верхнем Евфрате. находка в монументальных руинах Гёбекли-тепе семян одних лишь дикорастущих растений и костей только диких животных, равно как и отсутствие пока данных о распространении в данном районе в более раннее время натуфийской культуры (*Bar-Yosef 2002; Schmidt 2000: 47–48*) подрывают уверенность в том, что один лишь натуф дал начало Докерамическому Неолиту Леванта.

На Юго-Востоке США изучение костных останков людей Архаической эпохи показывает, что хорошее здоровье (и в частности почти полное отсутствие следов кариеса на зубах) не обеспечивало высокой продолжительности жизни, ибо даже избежавшие гибели в детском возрасте обычно не доживали до 40 лет. О распространенности насильственной смерти свидетельствуют застрявшие в костях наконечники метательных орудий. Быстрое распространение лука, сменившего копьеметалку в середине I тыс. н.э., было, скорее всего, вызвано его преимуществами не только на охоте, но и в военных действиях. Во II тыс. н.э. создатели миссисипской культуры нередко огораживали свои городки частоколом. В целом Юго-Восток выглядит как регион с постоянной и более высокой военной активностью, чем Калифорния или же Юго-Запад.

Период с 700 г. до н.э. до 800/1000 г. н.э. на Юго-Востоке именуется вудлендом. В начале этого периода обитатели региона жили в маленьких поселениях и в основном сохраняли эгалитарную организацию. Ближе к его завершению появляются все более крупные церемониальные центры типа Толтек на р. Арканзас, где на площади 40 га располагаются остатки искусственных платформ и между ними – немногочисленные постройки, жилища тех, кто руко-

водил совершавшимися здесь ритуалами. Постепенно подобные центры превращаются в резиденции наследственной знати, а плотность населения вокруг них значительно увеличивается. В прошлом вудленд связывали прежде всего с культурой хоупвел (100 лет до н.э. – 500 лет н.э.), но авторы “Справочника” почти отказались от этого названия. Хоупвел – не культура, а постепенно сформировавшаяся и охватывавшая огромные территории сеть связей, в которую были включены мелкие культурные общности, обменивавшиеся престижными изделиями и ценным сырьем. Коллективы, оказавшиеся в узлах таких связей, располагали значительными ресурсами, о чем опять-таки свидетельствует размах неутилитарной строительной деятельности. Так, памятник Пинсон Маунд в Теннесси представляет собой 12 искусственных насыпей высотой от 2,5 до 22 м и общей площадью 160 га. Во второй половине I тыс. н.э. хоупвелская система дальнего обмена по неясным причинам распадается, что прежде рассматривалось как свидетельство общего регресса. Новые исследования показывают, что в это время продолжается повсеместный рост населения и развитие местных центров. Ситуация напоминает характерную для Мезоамерики в ранний Постклассический период, когда за распадом прежних крупных политических образований последовал не общий упадок, как некогда полагали, а стабильный демографический рост и расцвет мелких вожеств и городов-государств (Balkansky 2002: 78).

Конец вудленда примерно совпадает с переходом к земледелию как главному виду хозяйственной деятельности, хотя в некоторых районах превращение кукурузы в основной источник питания задержалось до XIII и даже до XV в. Широкое распространение фасоли и тыква произошло в середине XIV в. Местные культуры (подсолнечник, топинамбур, североамериканская киноа и пр.) также продолжали в это время выращиваться. В миссисипскую эпоху вновь возникает панрегиональная сеть обменных связей, господствуют политические образования типа вожеств. О том, что высший социальный слой резко противопоставлял себя прочему населению, свидетельствуют остатки жилищ знати на вершинах монументальных платформ и богатые захоронения. На основе хоупвелской традиции расцветает производство украшений и ритуальных предметов из меди, морских раковин, камня, керамики и наверняка также дерева, если судить по уникальным находкам деревянных зооморфных изображений в болотах Флориды.

Миссисипской культуре в “Справочнике” уделено сравнительно мало места, поскольку ей и так посвящена огромная литература. Авторы не видят свидетельства влияния Мезоамерики на становление сложных обществ Юго-Востока, но и не отрицают сходства миссисипских монументальных центров с мезоамериканскими, разумно предполагая причину этого в единой традиции, уходящей корнями едва ли не к заселению Нового Света. Значительное внимание авторы сконцентрировали на процессах, вызванных первыми контактами с европейцами, и дальнейших событиях колониальной эпохи. Один из важных вопросов – размах, механизм и непосредственные результаты демографического коллапса, вызванного распространением европейских болезней. Основная причина высокой смертности от оспы заключалась, по-видимому, в небольшом, по сравнению со Старым Светом, разнообразии антигенов в иммунной системе индейцев. Пробив иммунную защиту одного человека, вирус поражал жителей целого района с той же легкостью, с какой в Евразии или Африке он поражал членов одной семьи.

После испанских экспедиций первой половины XVI в. политические системы Юго-Востока рухнули быстро и повсеместно, поскольку значительная часть знати, прежде всего старики, погибла от болезней, престиж элит оказался подорван, а население в страхе бежало из крупных центров. Лишь благодаря французским миссионерам, побывавшим в конце XVII – начале XVIII в. у натчез и читимача, мы располагаем хоть какими-то сведениями о социально-политической организации крупных вожеств. Более других удаленные от морских побережий чироки также сохраняли до XIX в. отдельные доколумбовые традиции, но у мускогов только в фольклорных текстах остались воспоминания о властных вождях.

Новый этап кризиса индейского общества Юго-Востока приходится на конец XVII – начало XVIII в., когда регион стал главным поставщиком в Европу оленьих кож, а индейцы, про-

дававшие их колонистам Джорджии и Виргинии, попали в зависимость от европейских товаров (прежде всего украшений) и прекратили собственное ремесленное производство. Английские плантаторы сперва сами обращали индейцев в рабство, но вскоре прибегли к услугам индейских же посредников, особенно пришедших с севера алгонкинов-шони. Защищавшие индейцев испанские миссии во Флориде были разгромлены. После восстания 1715–1716 гг. европейцы сочли обращение в рабство местных жителей слишком опасным и стали завозить больше африканских рабов. Численно преобладавшие еще в начале XVIII в., индейцы составляли к концу этого столетия лишь немногим более 5% населения региона. Последний удар по индейской независимости был нанесен в 1814 г. с поражением восстания криков. Милленаристское движение чироки, считавших, что мельницы “ломают кости Матери-Кукурузе”, и пытавшихся вернуться к ручным зернотеркам, после 1812 г. также заглохло.

Интересен анализ того, как социальные структуры индейцев Юго-Востока реагировали на изменение обстановки. В местных матрицентричных обществах землю обрабатывали и наследовали женщины. По мере интеграции в колониальное общество и изменений в хозяйстве (распространение домашнего скота, уход из городков на хутора) роль мужчин в экономике возрастала. Поскольку, однако, традиции не позволяли мужчинам работать в земледелии, индейцы стали использовать для обработки полей негров-рабов.

Согласно правилам “Справочника”, каждой этнической группе посвящена отдельная статья. Авторы не обсуждают вопрос, что считать этносом, а пользуются традиционной для этнологии континента этнолингвистической картой. Наибольшую ценность имеют статьи по мелким группам, исчезнувшим до начала XIX в.: приведены практически все разбросанные по многим труднодоступным источникам сведения о соответствующих народах. Подобный обзор ценен уже тем, что показывает, насколько дробным был регион в лингвистическом отношении. Хотя многие языки остались не зафиксированы, известно, что они не относились ни к одной из крупных семей (мускогской, алгонкинской, ирокезской, сиу-катавба). Время распада языков-предков для мускогов, ирокезов и алгонкинов отстоит от нас на 3000–4000 лет, а это значит, что представители данных семей относительно недавно распространились по большим территориям. Не только в эпоху Архаики, но и в хоувеле языковая карта Юго-Востока наверняка была значительно более сложной, чем в XVI в. Вообще противопоставление востока Северной Америки западу континента, побережий – континентальным районам, а Северной Америки в целом – Южной Америке, как регионов с меньшим числом языков – регионам с большим числом языков (*Douand* 1983; *Gruhn* 1988; *Oppenheimer* 2003, fig.7.2) несколько навивно. Оно мало учитывает как степень расхождения между языками, так и региональные особенности, способствовавшие или препятствовавшие сохранению языков, и представляет собой шаткую основу для построений, касающихся путей и времени заселения Нового Света.

Возвращаясь к рецензируемому тому, отметим, что значительная его часть посвящена современному положению и недавней политической и экономической истории отдельных индейских групп. Эти разделы представляют интерес не только для этнологов, но и для политологов.

Том завершают статьи, посвященные отдельным аспектам культуры Юго-Востока, в том числе анализу данных о потестарно-политической организации и о системах родства, а также превосходный обзор региональных мифологии и фольклора.

Литература

- Березкин* 2002a – *Березкин Ю.Е.* Рец. на: Handbook of North American Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. Vol. 13. Plains / Vol. ed. R. J. DeMallie. Wash., 2001. XVI, 1360 p., ill. // Этнограф. обозрение. 2002. № 3.
- Березкин* 2002b – *Березкин Ю.Е.* Археология и этнография индейцев Плато // Археологические вести. 2002. Вып. 9.
- Balkansky* 2002 – *Balkansky A.K.* The Sola Valley and the Monte Albán State. A Study of Zapotec Imperial Expansion. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan, 2002.

- Bar-Yosef* 2002 – *Bar-Yosef O.* The Natufian culture and the Early Neolithic: social and economic trends in Southwestern Asia // Examining the farming / language dispersal hypothesis / Ed. P. Bellwood, C. Renfrew. Cambridge U.K.: McDonald Institute, 2002.
- Douand* 1983 – *Douand C.P.* Early speakers in the New World // *Anthropologie* (Brno). 1983. 21(2).
- Gruhn* 1988 – *Gruhn R.* Linguistic evidence in support of the coastal route of earliest entry into the New World // *Man*. 1988. Vol. 23. № 2.
- Moseley* 1975 – *Moseley M.E.* The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park, 1975.
- Oppenheimer* 2003 – *Oppenheimer S.* The Real Eve. Modern Man's Journey Out of Africa. N. Y., 2003.
- Schmidt* 2000 – *Schmidt K.* Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A preliminary report on the 1995–1999 excavations // *Paléorient*. 2000. Vol. 36. № 1.

© ЭО, 2005 г., № 6

В.Н. Кисляков, А.Ю. Сеницын. Рец. на: *И.А. Самарин. Гарды. Каталог коллекций музеев Сахалинской области* / Ред. Т.П. Роон. Южно-Сахалинск, 2004. 52 с.

Одним из важнейших атрибутов традиционного самурайского вооружения является меч (яп. *нихон-то*), состоящий из нескольких компонентов. Причем наряду с клинком другой важнейшей составной частью этого вида оружия считается гарда (яп. *цуба*), защищающая пальцы от ударов. Следует отметить, что самурайские мечи, как и большинство деталей их оправы, в восприятии представителей традиционной культуры являются носителями значимых символов (этикетных, художественно-эстетических, сакральных), вследствие чего становились объектами тщательной орнаментировки. Будучи артефактами высокой художественной ценности, мечи и их детали, особенно цуба, становились предметами коллекционирования. Как правило, самураи имели в своем арсенале несколько мечей и довольно значительное число деталей оправы на разные случаи жизни. Самураи высокого ранга, не говоря уж о даймё и сёгунах, имели обширнейшие коллекции драгоценных мечей, клинков, гард и других художественно выполненных канамоно (металлических украшений меча).

Период, когда военное сословие самураев играло значительную роль в истории Японии, охватывает несколько столетий. Своеобразная самурайская культура оказала огромное влияние на историческое развитие страны. Исследованию ее различных аспектов посвящена обширная литература, в том числе изданная и на русском языке (*Спеваковский* 1981; *Успенский* 1997; *Такуан Сохо* 1997; Книга самурая 1998; *Кинг* 1999; *Хироаки Сато* 1999; *Сеницын* 2001; *Морис* 2001). После прекращения политики самоизоляции Японии и падения режима сёгунов Токугава к коллекционированию самурайских мечей и канамоно обратились и западные (в том числе российские) музеи, и частные ценители экзотического оружия. В последнее время появилось довольно много публикаций, посвященных особенностям традиционного вооружения японских самураев (*Yamoto* 1964; *Носов* 2001; *Баженов* 2002; 2003), в которых определенное место занимает описание гард (*Gunsaulus* 1923; *Sukashi Tsuba* 1988). За более чем 100 лет в музеях мира были собраны обширные коллекции предметов японского вооружения. Имеются подобные коллекции и в российских музеях, в том числе в музеях Санкт-Петербурга (Государственный Эрмитаж, Центральный Военно-Морской музей, МАЭ (Кунсткамера) РАН и др.) (*Ефимов б.г.; Шедевры... 2000; Сеницын* 1998; *Самураи* 2003). Коллекции японского оружия имеются и в музеях Сахалинской обл.

Владимир Николаевич Кисляков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Александр Юрьевич Сеницын – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.